

18+

АЛЕКСАНДР КАЧУРА

ТЫ МОЯ САМАЯ СВЕЖЕНЬКАЯ.

КРУГОСВЕТКА. АВСТРАЛИЯ



Александр Качура

**Ты моя самая свеженькая.
Кругосветка. Австралия**

«Издательские решения»

Качура А.

Ты моя самая свеженькая. Кругосветка. Австралия / А. Качура —
«Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Дракон Федя, три розовых тапочка и компания
случайных героев вместо Атлантиды попадают в Австралию. Здесь горы ходят,
реки текут вверх, а таможеню возглавляет кенгуру в боксёрских перчатках.
Им предстоит найти потерянную обувь богов, пережить бюрократический
апокалипсис и доказать, что синяя изолента — лучший способ склеить
реальность.

Содержание

Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ты моя самая свеженькая. Кругосветка. Австралия

Александр Качура

© Александр Качура, 2026

ISBN 978-5-0070-2132-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТЫ МОЯ САМАЯ СВЕЖЕНЬКАЯ. КРУГОСВЕТКА. АВСТРАЛИЯ.



ОТ АВТОРА.

Данное произведение является художественным вымыслом в жанре абсурдной комедии. Любые описания веществ или организаций, которые могут показаться сомнительными, используются исключительно как сатирический инструмент для

создания комического эффекта. Автор не преследует цель пропаганды чего-либо, кроме хорошего настроения и любви к говорящим метлам.

ПРОЛОГ

Портал закрылся со звуком, будто кто-то с размаху хлопнул мокрым полотенцем по спине Вселенной. Вселенная дернулась, икнула и сделала вид, что так и было задумано. Она вообще обожала сохранять лицо, даже когда её фундаментальные константы уходили в запой или в отпуск без сохранения содержания.

Компания стояла на твердой, но подозрительной земле. Она вела себя как человек, который бодро говорит «всё нормально», но глазами шарит по сторонам в поисках пожарного выхода, а в кармане судорожно перебирает завещание.

Воздух пах солью.

Не морем — именно чистой, беспримесной солью. Казалось, океан выжали, как старую половую тряпку, а воду слили в соседнюю галактику за ненужностью. К соли примешивался едва уловимый запах жженого пластика и чего-то, что когда-то было горячим асфальтом, но устало и ушло в монастырь.

Ветер дул сбоку. Потом снизу. Потом откуда-то из-за левого уха — проверял, не завалилась ли у реальности лишняя мелочь в карманах.

Федя открыл глаза. Закрыл. Открыл снова.

Мир вокруг был не в фокусе, напоминая фотографию, сделанную через стакан с очень плохим виски. Или через чью-то черепную коробку.

— ЭБИ, — прошептал Федя, пытаясь нащупать почву лапой. Лапа проваливалась в пустоту, но пустота вежливо, но настойчиво выталкивала её обратно. — МНЕ КАЖЕТСЯ, НАС ВЫВЕРНУЛИ НАИЗНАНКУ.

— Это нормально, — отозвалась Эбигейл. Она стояла на потолке, хотя искренне считала, что под ногами у неё чернозем. — У портала сегодня акция: каждая третья инверсия — в подарок. Считай, нам повезло. Могли вообще оказаться в двумерном пространстве в виде комикса.

— НЕТ. Я СТОЮ ПРЯМО. НО МИР КАТЕГОРИЧЕСКИ ОТКАЗЫВАЕТСЯ СО МНОЙ СОТРУДНИЧАТЬ.

Эби огляделась.

Небо бесстыдно валялось внизу, перекатываясь с боку на бок, как бездомный, который никак не найдет удобную позу. Земля гордо висела в зените, демонстрируя всем свой нетронутый профиль. Деревья росли корнями ввысь, пытаясь дотянуться ветками до «низа», но листья срывались и улетали в космос, потому что окончательно запутались в навигации.

Один куст явно страдал от экзистенциального кризиса: он пытался держать форму, но с него осыпалась листва, как с должника — надежда на амнистию.

Над ухом Феде возникла муха.

Она не жужжала. Она **назойливо, въедливо напоминала о себе**, как чувство вины, которое материализовалось в шестиногом формате. Муха села Феде на нос, секунду подумала и улетела — видимо, решила, что с таким клиентом она не готова работать на полную ставку.

— Здесь мухи, — констатировал Федя голосом человека, который только что обнаружил, что в раю тоже есть налоговая инспекция.

— В Австралии всегда мухи, — отозвался Горо, заглядывая в Ведро. Слоп Луи внутри согласно звякнул колокольчиком. Он уже перевернул свою трубу вверх тормашками, решив, что местный джаз должен звучать как испорченная пластинка, которую играет в стоматологическом кресле.

— А ДОЛЖНА БЫЛА БЫТЬ АТЛАНТИДА! — взревел Федя.

— Должна, — кивнула Эби. — Но боги решили, что Индии вам было мало для сторис. Они купили нам расширенный пакет путешествий «Всё включено, включая галлюцинации».

Федя сделал шаг. Нога ушла вбок, как у пьяного краба, который решил сменить профессию и стать землемером. Равновесие поймало его за шкурку и решило немного подержать в заложниках — для остротки.

— ЭБИ... Я СЕЙЧАС УПАДУ В НЕБО?

— Нет. Здесь нельзя упасть. Здесь можно только несанкционированно переместиться в другую проекцию.

Федю дернуло вправо. Потом вверх. Потом снова вправо, будто невидимый диджей крутил ручку настройки реальности. Он вцепился в Эбигейл.

— МНЕ ЭТО НЕ НРАВИТСЯ. МЕНЯ КАЧАЕТ, КАК ДЕПУТАТА ПЕРЕД ВЫБОРАМИ!

Степан в это время вел неравный бой со шляпой. Шляпа уже подала документы на получение гражданства в небесах и улетала прочь, изящно махая полями.

— Степан! — крикнула Эби. — Твоя шляпа!

Степан обернулся. Шляпа уже набрала высоту и теперь парила в окружении золотистого сияния.

— Она стала звездой! — в голосе Эби смешались восторг и ужас.

— Она всегда была звездой, — мрачно ответил Степан, провожая её взглядом. — Просто здесь это поняли буквально.

Шляпа совершила прощальный пируэт и превратилась в точку на том самом небе, которое почему-то находилось под ногами.

— Это не Атлантида, — уныло констатировал Степан, глядя, как его головной убор окончательно растворяется в чужой гравитации.

— Это Австралия, — отрезал Горо.

— Так, — скомандовала Мама Сара, поправляя фартук. — Сначала заземляемся. Мангал ставить будем по фэншую, иначе он улетит к кенгуру, а я еще не видела кенгуру, который заслуживает мой шашлык.

Она водрузила Мангал на землю. Тот трижды перевернулся, выругался на хинди и затих. Огонь в нем горел вниз, вглубь планеты, но грел исправно. В Австралии вообще неважно, куда направлено пламя. Главное — чтобы оно не спрашивало паспорт и не пыталось вступить в профсоюз.

Папа Изя развернул газету «Вестник Загробья». Газета сопротивлялась, пытаясь улететь вслед за шляпой Степана. Изя прижал её коленом.

— Тут пишут, — заметил он, пробегая глазами заголовки, — что гравитация здесь не закреплена болтами. Её периодически переносит сквозняками, как легкую садовую мебель. Сегодня она у горизонта, завтра — в районе буфета.

— Эби... — прошептал Федя. — А ГОРИЗОНТ ПОЧЕМУ ШЕВЕЛИТСЯ? ОН ЧТО, ЧТО-ТО ЕСТЬ?

— Похоже. Здесь даже у линии горизонта есть профсоюз и право на обеденный перерыв. Судя по тому, как она жует, сегодня в меню — туристы с низкой самооценкой.

В этот момент Федю реально повело. Его лапа соскользнула, и он начал медленно дрейфовать в сторону горизонта, как жирное пятно на скатерти мироздания.

— ЭБИ! Я УХОЖУ! МЕНЯ УНОСИТ, КАК НЕОПЛАЧЕННЫЙ КРЕДИТ!

— Держу! — Эби вцепилась в него. Костя схватил дракона за хвост. Хвост Кости возмущенно дернулся, но остался на базе.

Рука Кости, скучавшая в кармане, вылезла наружу и вцепилась в Федю самостоятельно, без согласования с центральным процессором. Она вообще была единственной частью Кости, имевшей четкий план на жизнь.

— МНЕ НУЖНА НОРМАЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ! ГДЕ ВНИЗ — ЭТО ВНИЗ, А НЕ «ПОСМОТРИМ ПО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ»!

— Просто не думай о гравитации, — посоветовала Эби. — Она устала. Ей тоже нужно иногда прилечь. Или улететь на несколько тысяч лет в отпуск.

Земля под ними чавкнула и милостиво притянула их обратно.

Тут они заметили Утконоса.

Он стоял рядом, опершись на удочку. На нем была щегольская жилетка с множеством карманов, из которых торчали огрызки карандашей, клочки бумаги и что-то, подозрительно напоминающее печать. Утконос смотрел на них взглядом единственного сотрудника сельской администрации, который видел всё: и нашествие саранчи, и приход буддизма, и туриста, который пытался оплатить парковку кармой.

— Вы новенькие, — крикнул Утконос голосом, прошедшим через поломанный синтезатор, который когда-то был человеком, но устал. — Третьи за неделю.

— А КУДА ДЕЛИСЬ ПЕРВЫЕ? — пискнул Федя, который всё еще висел в полуметре от земли.

Утконос закинул удочку прямо в облака под ногами. Леска натянулась. Он медленно, со смаком выудил... розовый тапочек с уточкой.

Один.

— Первые ушли за горизонт, — пояснил Утконос, критически осматривая обувь на предмет плесени. — Теперь они — отличные кучевые облака. С очень интеллигентными лицами. Жалуются на сырость, но виды, говорят, неплохие.

— А ВТОРЫЕ?

— Вторые решили «привыкнуть». Привыкли. Теперь они работают местным ветром. Дуют по расписанию, вечно ноют, что у них прострелило поясницу на сквозняке.

Утконос вздохнул. Вздох был долгим, накопившимся за несколько тысяч лет работы с нелегальными мигрантами из других измерений.

— В прошлый раз, — сказал он, ни к кому не обращаясь, — бог прислал левый. Говорит: «Правый где-то завалился в проекции». Ищу уже три тысячи лет. Гравитация обещала помочь, но ей, видите ли, «не до того». У неё, понимаешь, перераспределение масс, тектонические плиты, всякие женские дела.

— Вы... вы божий тапочек выловили? — Эби смотрела на розовое чудо с уточкой.

— Не божий. Божественный. Разница есть. Божий — это когда бог сам носит. А божественный — это когда он его потерял, и теперь этот предмет стал артефактом, способным менять реальность. Или хотя бы закрывать дыру в заборе. — Утконос протянул тапочек Феде. — Берите. Вам пригодится.

— ЗАЧЕМ МНЕ ОДИН ТАПОЧЕК?!

— Чтобы помнить: возвращаться можно не всем. А ветру тоже нужно во что-то обуваться, когда он устает бегать. И вообще, один тапочек — это не обувь. Это документ. Ваше временное удостоверение личности в этой проекции.

Федя взял тапочек. Тапочек был теплым, будто его только что сняли. От него пахло чем-то далеким и родным — возможно, раем, возможно, просто хорошей прачечной.

Тут пространство перед ними начало уплотняться.

Появилась Ограда. Она не была построена из дерева или металла. Она состояла из чужих нерешительных «может быть», забытых обещаний и «надо подумать», которые когда-то сказали и забыли. Ограда смотрела на них сучками-глазами, и в каждом сучке жила своя маленькая, но очень принципиальная неуверенность.

— Не подходите, — предупредил Утконос, сматывая леску. — За ней всё становится окончательным. Выбираешь — и живешь с этим до конца титров. Без автосохранений. Без дублей. Без возможности сказать: «А давайте переиграем, я не так понял условия».

Ограда придвинулась. Она явно не любила, когда на неё долго смотрят. Особенно с таким выражением, будто её собираются перекрашивать.

— Вы не имеете права! — крикнул Костя. — Мы не выбрали здесь оказываться!

Ограда скрипнула. Это был звук, которым можно подписать смертный приговор, утвердить счет за коммунальные услуги или отказать в возврате товара.

— Право, — голос Ограды был сухим, как сухарь, который нашли в рюкзаке через год после похода, — это когда есть подпись. Вашей подписи нет. Есть только тапочек, который мы, к слову, изъяли у мигрантов, пытавшихся нелегально пересечь горизонт. Без соответствующей маркировки.

Рука Кости, высунувшаяся из кармана, показала Ограде средний палец. Ограда не обиделась. Ограда просто начала сужать кольцо. Медленно, со вкусом, как удав, который знает, что никуда не торопится, а ужин сам никуда не денется.

— Нам надо решать, Эби! — Федя задрожал. Тапочек в его лапах запульсировал теплом. — ИЛИ МЫ ИДЕМ, ИЛИ СТАНОВИМСЯ ЧАСТЬЮ ЛАНДШАФТА! Я НЕ ХОЧУ БЫТЬ КУСТИКОМ! У КУСТИКОВ НЕТ ПРАВА ГОЛОСА, И ИХ ВСЁ ВРЕМЯ СТРИГУТ!

— Еще не поздно стать облаком, — философски заметил Утконос. — Плюсы: хороший обзор, тебя фотографируют. Минусы: ты всегда мокрый, и над тобой вечно смеются самолеты.

— Я НЕ ХОЧУ БЫТЬ ОБЛАКОМ! У ОБЛАКОВ НЕТ ЛАП!

Вдалеке раздался тяжелый, ритмичный грохот.

Бум. Бум. Бум.

Земля подпрыгивала вместе с Мангалом. Мангал выругался на хинди, но на этот раз как-то неуверенно — видимо, начал уважать местную силу.

— Поздно, — вздохнул Утконос, поправляя жилетку. — Выбор уже сделал вас.

К ним, прорывая горизонт, прыгало Нечто.

Огромное. Сумчатое. В ярко-красных боксерских перчатках.

На груди у существа висел свисток, сверкавший ярче, чем лысина Папы Изи, когда он случайно натирает её до блеска, думая, что это лампа. Каждым прыжком кенгуру-судья вбивал в землю новые правила. Каким именно — никто не знал, но чувствовалось, что они будут жесткими, нелогичными и вступающими в силу задним числом.

Кенгуру затормозил перед компанией. Поднял свисток к губам. Набрал в легкие побольше австралийского вакуума.

Свисток взвыл.

Это был звук, который слышали все, кто когда-либо пытался оспорить штраф за парковку, вернуть товар без чека или доказать, что «я вообще тут случайно, я не местный».

Кенгуру опустил свисток, поправил перчатку и посмотрел на компанию сверху вниз. В его глазах читалось: «Я не выбирал эту работу. Но раз уж я здесь, вы будете страдать по всем правилам».

— Так, — сказал кенгуру голосом прокурора, который только что узнал, что ему продлили контракт еще на тысячу лет. — Правила матча.

Утконос вздохнул и начал медленно отходить в сторону, наматывая леску на удочку.

— Правило первое, — продолжил кенгуру, поднимая одну красную перчатку. — Здесь не бьют ниже пояса.

Он сделал паузу.

— Потому что пояса здесь — понятие растяжимое. У некоторых их вообще нет. Если вы без пояса — считайте, вам повезло. Если с поясом — готовьтесь к тому, что он станет веским аргументом в споре.

— Правило второе. Не верьте горизонту. Он врет. Он всегда врет. Он врет даже когда молчит, потому что его молчание — это ложь высшего порядка.

Кенгуру поднял вторую перчатку.

— Правило третье. Если проиграете...

Он посмотрел на Федю, который судорожно прижимал к груди божественный тапочек.

— ...не становитесь ветром. У них там текучка ужасная и вечно сквозняк в пояснице.

Лучше уж быть облаком. Хотя бы виды красивые.

— А ЕСЛИ МЫ ВЫИГРАЕМ? — пискнул Федя.

Кенгуру улыбнулся.

Улыбка у него была такая, какой улыбаются палачи, которые на самом деле добрые, просто у них работа такая — резать правду-матку.

— Выиграете? — переспросил он. — Тогда вы сможете выбрать.

— Что выбрать?

— Всё. Или ничего. В зависимости от того, насколько удачно вы выберете.

Кенгуру поднял свисток.

— Вопросы?

— А тапочек можно использовать как преимущество? — спросила Эби.

Кенгуру посмотрел на тапочек. Посмотрел на Утконоса. Утконос пожал плечами — мол, не ко мне, я просто рыбак.

— Можно, — сказал кенгуру. — Но помните: божественный тапочек — это не джокер. Это напоминание. О том, что даже боги теряют обувь. И иногда эта обувь находит тех, кто потерял больше, чем боги.

Он поднес свисток к губам.

— Начинаем.

Свисток взвыл.

Мир дернулся, перевернулся, попробовал на вкус и решил, что сегодня будет хороший матч.

Утконос, уже почти скрывшийся за горизонтом, обернулся.

— Удачи, — крикнул он. — И помните: если будете облаками — выбирайте кучевые. Перистые слишком нервные.

Он исчез.

Остались только они. Кенгуру. Ограда, которая медленно, но верно продолжала сжиматься. И один божественный тапочек в лапах дракона, который меньше всего на свете хотел быть облаком или ветром.

Он хотел быть дома.

Но дома пока не было.

Был только матч. Без правил. Без судей. Без возможности сказать: «Давайте переиграем».

Впрочем, судья был. И он только что дал старт.

Глава 1

Свисток взвыл.

Это был не просто звук, это была декларация о намерениях. Если бы у звука было лицо, оно смотрело бы на вас с выражением налогового инспектора, нашедшего три нестыковки в отчете и предвкусшающего четвертую. Если бы у звука были руки, он бы уже защелкивал наручники на вашей карме, а заодно проверял, не просрочена ли лицензия на совесть.

Свисток замолк, и наступившая тишина оказалась еще хуже — тяжелая, липкая, как патока, в которую подмешали прошлогодние сожаления и обещания, данные в нетрезвом виде под Новый год. Гравитация официально подала в отставку. В заявлении было написано: «Устала. Ушла в себя. Возвращайтесь к 2030 году. Или нет».

Федя дернулся. Лапы разъехались с грацией новорожденного жирафа на катке, который к тому же забыл, что такое лед, и теперь подозревает, что его обманули.

— ЭБИ! — заорал он, вцепившись в розовый тапочек бога. Тапочек был теплым, а изображенная на нем уточка улыбалась с явным превосходством человека, который знает, где лежит второй экземпляр, и не собирается делиться. — ОН СВИСТНУЛ! ЭТО ЧТО, УЖЕ ВСЁ?!

— Это значит, — раздался сверху голос, похожий на хруст сухого эвкалипта, который кто-то пытается выдать за музыкальную шкатулку, — что матч начался.

Кенгуру-судья возвышался над ними двухметровой серой стеной. Огромные красные боксерские перчатки скрипели, как кожаный диван в приемной дьявола, на котором перед важным собеседованием сидели все кандидаты на должность главного грешника месяца.

— Какой матч? — Степан поправил пустоту там, где раньше была шляпа. Жест был такой старый, что руки выполняли его автоматически, даже когда шляпы не было уже три страны и два портала. — Мы не подавали заявок. Мы вообще не местные. Мы туристы.

— В Австралии заявки не подают, — Кенгуру выудил из небытия блокнот, кожа которого была сморщена, как лицо человека, знающего точную дату конца света и то, что она выпала на вторник. — Здесь заявка подает вас.

Кенгуру перелистнул страницу. Блокнот был исписан не буквами, а лицами — крошечными, живыми портретами тех, кто проиграл и теперь работал кучевым облаком с почасовой оплатой. Одно лицо зевнуло. Ему было скучно. Другое подмигнуло Косте. Рука Кости подмигнула в ответ. Она была вежливой.

— Федор Драконович, — зачитал Судья. — Причина прибытия: потерял берега. Примечание: утверждает, что занесло. Контрольный срок: до полного просветления.

— ЭТО НЕПОЛИТКОРРЕКТНО! — взвыл Федя, наконец поймав равновесие на трех лапах. Четвертая лапа все еще сомневалась, стоит ли вообще участвовать в этом цирке. — Я ТРЕБУЮ АДВОКАТА ИЛИ ХОТЯ БЫ ЧИСТЫЙ НОСОВОЙ ПЛАТОК! МЕНЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЗАНЕСЛО!

— В Австралии подпись не требуется, — Судья захлопнул блокнот со звуком упавшей крышки гроба, в который только что положили последнюю надежду человечества. — Достаточно факта вашего физического присутствия. Правило первое: не бить ниже пояса.

Наступила густая пауза. Мама Сара инстинктивно прижала к себе Мангал. Мангал тихо звякнул — он тоже готовился.

— Потому что пояса здесь — понятие растяжимое, — добавил Кенгуру, наслаждаясь эффектом. — У некоторых их нет, у других они начинаются в районе бровей. Если вы без пояса — вам повезло. Если с поясом — готовьтесь, что он станет веским аргументом защиты в суде. Причем защиты не вас, а суда от вас.

Костя молчал. Его жизнь давно стала фоном для приключений его собственной конечности. Рука Кости высунулась из кармана медленно и высокомерно, как актриса, которая знает,

что ее выход — главный в этой сцене, и не собирается его проваливать. Пять пальцев продемонстрировали Кенгуру отсутствие пояса и полное отсутствие почтения к регламенту.

Внезапно рука метнулась вперед. Коротким, наглым, отточенным движением она выхватила ручку из-за уха Судьи. Покрутила. Понюхала. И спряталась обратно в карман, оставив Кенгуру с открытым ртом и ощущением, что его только что обокрали на глазах у всего честного австралийского нигде.

— Запись, — Кенгуру моргнул, быстро достал запасную ручку. Вторая ручка была с погрызанным колпачком — видимо, тоже знакома с местными порядками. — Ручка. Участник категории «Х». Пояса нет. Склонность к клептомании и высокому искусству. Плюс полбалла за дерзость.

— ПОЛБАЛЛА?! — возмутился Федя. — МЫ ЕЩЕ НЕ НАЧАЛИ, А У КАРМАНА УЖЕ ЕСТЬ РЕЙТИНГ?!

— У вас — нет, — Кенгуру ткнул перчаткой в сторону Кости. — У руки — да. Остальные дышат бесплатно, но баллов за это не получают. Дыхание в Австралии — это не достижение. Это протокол. Если вы не дышите — это уже ваша личная драма, а не наш вопрос.

Судья вытащил из-за пазухи лист бумаги размером с простыню, сделанный, судя по запаху, из переработанных надежд и слез налоговых инспекторов. Бумага шелестела так, будто внутри нее жили маленькие змеи, которые когда-то были честными налогоплательщиками, но что-то пошло не так.

— Три раунда, — объявил он. — Первый — вопросы. Правильный ответ — Ограда расширяется. Неправильный — Ограда сжимает вас в объятиях до хруста костей. Второй — гонка за вторым тапочком. Третий объявят позже, если вы доживете.

— А если не доживем? — пискнул Федя.

— Тогда станете облаком, ветром или частью горизонта. У горизонта, кстати, хорошая пенсия. Платят воспоминаниями. Но их быстро съедают мухи.

Над ухом Феде возникла муха. Она жужжала с таким видом, будто знала, о чем идет речь, и была готова подтвердить каждое слово. Муха была свидетельницей. Или, может быть, тайным агентом горизонта. Или просто мухой, которой нечем больше заняться.

— А если мы не знаем ответа? — спросила Эбигейл, бледнея еще на пару тонов. От ее бледности даже муха на секунду сбилась с ритма.

— Незнание — это тоже ответ. И он мне не нравится. Ограда сжимается.

— А если мы не хотим отвечать?

— Ответ «не хочу» — тоже ответ. Тоже неправильный. Ограда сжимается. У вас есть возражения?

— А если мы зададим свой вопрос?

Кенгуру задумался. Это был долгий, тяжелый процесс, как переваривание камня у удава, который только что узнал, что камень — это его бывший коллега.

— Вопрос принимается, — сказал он наконец. — Но только если он лучше моего. Если хуже — Ограда сжимается в два раза быстрее. Вопрос первый: что тяжелее — килограмм совести или килограмм стыда?

Тишина стала такой плотной, что в ней можно было вешать топоры. Или вешать носы. Или вешать лапшу на уши. Было слышно, как Ограда сделала пробный шаг вперед. Она моргнула сучком в сторону Феде. Один сучок был особенно внимательным. Возможно, это был бывший главный бухгалтер.

— Это один килограмм, — неуверенно сказал Степан. — Чистая физика. Килограмм он и есть килограмм.

— В НОРМАЛЬНОМ МИРЕ — ДА! — Федя указал на часы Судьи, где песок упорно сыпался вверх, игнорируя Ньютона, Эйнштейна и всех их родственников до седьмого колена.

— ЗДЕСЬ ДАЖЕ ВРЕМЯ ХОДИТ ГАЛСАМИ! ОНО НЕ ТЕЧЕТ, ОНО ПЛЮЕТСЯ ГРАВИТАЦИЕЙ!

— Совесть тяжелее, — подал голос Папа Изя, прижимая газету коленом. Газета пыталась улететь, но не потому что боялась, а потому что чувствовала: сейчас начнется что-то, что она захочет записать. — Стыд — это вспышка. Совесть — это пожизненный груз, как невыплаченная ипотека в другом измерении. Или подписка на журнал, который ты не читаешь, но платишь.

— Нет, Изя, стыд тяжелее, — возразила Мама Сара, перехватывая Мангал поудобнее. — Совесть можно уговорить, задавить, запереть в подвале. А стыд приходит ночью и сидит на груди, как жирный кот, который знает, что ты украл его сосиску.

— Это изжога, Сара, — вздохнул Папа Изя. — Не путай стыд с изжогой. Стыд проходит. Изжога остается.

— Я с тобой сорок лет, — ответила Мама Сара. — Или тысячу. Какая разница. Я знаю, что такое изжога. И что такое стыд. Стыд — это когда сковородка пригорает. Изжога — когда съела то, что пригорело.

Кенгуру слушал с интересом энтомолога, который нашел новый вид таракана и пока не решил, давать ему имя или сжечь.

— Две минуты осталось, — напомнил он, косясь на часы. Песок в часах наконец определился и теперь сыпался в себя. Это было красиво.

— Можно встречный вопрос? — вдруг спросил Горо.

Слон Луи в ведре звякнул колокольчиком. Коротко. Один раз. Как будто сказал: «Давай. Жми. Не позорь слоновью честь».

Судья поднял бровь так высоко, что она скрылась в облаках. Облака обиделись и поднялись выше. Они не любили, когда их трогали бровями.

— Если он будет лучше моего. Если нет — Ограда ускорится. И не просто сожмется, а побегит. У нее спортивная категория.

— Что громче, — тихо произнес Горо, и его голос разнесся по поляне, как круги по воде, в которую бросили камень с надписью «спасите», — звук падающего дерева в лесу, где никого нет, или крик новорожденного, которого все решили не замечать?

Кенгуру замер.

Бюрократическая маска, которую он носил семьсот тридцать четыре года, дала трещину. Тонкую, но заметную. Из трещины пахло чем-то человеческим. Или почти человеческим. Или австралийским — в Австралии это одно и то же.

Он смотрел на Горо так, будто тот только что зачитал его личный дневник. Зачитал вслух. На главной площади. В час пик.

— Да, — выдохнул Судья. — Это лучше.

Ограда, которая уже приготовилась к прыжку, обиженно дернулась. Она так надеялась побегать. Но пришлось отодвинуться на полметра. Полметра для Ограды — это как для спринтера шаг назад. Обидно. Но дисциплина есть дисциплина.

— Вопрос Горо засчитан. Право на ответ — в финале. Но за отсутствие ответа на мой вопрос — минус полбалла.

— **НО МЫ ЖЕ ЗАДАЛИ ВСТРЕЧНЫЙ!** — крикнул Федя, подпрыгивая. От прыжка у него отвалилась челюсть. Он поймал ее на лету и приставил обратно. Криво, но с чувством.

— Это спасло вас от превращения в паплет, но не освободило от ответственности за молчание. — Кенгуру записал что-то в блокнот. — Итого: счет ноль-ноль. Ограда сжата на пятнадцать процентов. Первый раунд окончен.

Кенгуру поднял перчатку. Красный цвет полыхнул так ярко, что на секунду показалось, будто горизонт покраснел от смущения.

— Справедливость в Австралии — это когда правила одинаково непонятны для всех, — провозгласил он. — Особенно новые. У старых правил слишком много свидетелей. А свидетели — это те, кто потом пишет жалобы. А жалобы — это бумажки. А бумажки — это деревья. А деревья здесь растут вниз головой. Им тяжело. Они и так устали.

Судья развернулся и начал уходить в сторону шевелящегося горизонта. Горизонт жевал что-то с видом человека, который только что узнал, что на обед — туристы со средним достатком и плохим чувством юмора.

— ПОДОЖДИТЕ! — закричал Федя, челюсть снова угрожающе зашаталась. — А ВТОРОЙ РАУНД?! КОГДА?!

— Узнаете по звуку, — донеслось издалека. — Я свистну. И не ходите за горизонт, он сегодня не в духе. Может и переварить. А переваривать туристов — это вам не облаком быть. Там и профсоюза нет, и пенсия меньше.

Кенгуру исчез. Будто его стерли ластиком, который когда-то стер самого динозавра. Остался только запах эвкалипта и чувство, что вас только что провели по всем пунктам устава, который никто не читал.

Ограда осталась стоять. Медленно и плотядно моргая сучками. Один сучок, тот самый, бывший бухгалтер, подмигнул руке Кости. Рука подмигнула в ответ. У них завязался безмолвный диалог. Кажется, они обсуждали налоги.

Федя бессильно сел на землю. Земля была твердой, но он был слишком уставшим, чтобы проверить, не тверже ли она, чем кажется.

— ЭБИ. МЫ ПРОИГРАЛИ?

— Нет, Федя. — Эби села рядом, поправила выбившуюся прядь. — Мы сыграли вничью с Австралией. А это уже тянет на орден. Или на справку от психиатра. В Австралии это одно и то же.

Федя чихнул. Из носа вылетела искра, сделала сальто, попыталась стать звездой, передумала и была немедленно съедена пролетающей мимо мухой-агентом. Муха подавилась, чихнула и улетела жаловаться горизонту.

Рука Кости высунулась из кармана, показала большой палец и аккуратно вернула Степану его ручку. Но уже без колпачка. Колпачок она решила оставить себе. На память о первом раунде. Или на случай, если понадобится снова что-нибудь украсть.

— Она говорит, что всё нормально, — перевел Костя.

— Она всегда так говорит.

— Но сейчас она даже улыбается. Пальцами.

Эби посмотрела на руку. Рука действительно улыбалась. Пальцами. Это было странно. Но в Австралии странно — это нормально. Нормально — это подозрительно. А подозрительно — это когда всё слишком правильно.

— Тогда будем ждать второго раунда, — сказала она.

— А если он не начнется?

— Начнется. Кенгуру сказал — свистнет. А кенгуру в Австралии не врут. У них нет профсоюза лжецов. Он распался в прошлом веке. Не сошлись на комиссионных.

Где-то далеко, за горизонтом, который все еще жевал, раздался звук. Похожий на чих. Или на смех. Или на то, как открывается портал в страну, где всё вверх ногами и это считается нормой.

— Это был он? — спросил Костя.

— Нет, — сказала Эби. — Это было начало.

Ограда моргнула. Рука в кармане Ксти показала куда-то вдаль. Федя чихнул еще раз, на всякий случай. Искра улетела. Муха не успела.

Второй раунд приближался.

Кенгуру ушел, оставив после себя запах жженой резины и легкое чувство административного восторга. Горизонт жевал. Судя по звуку, сегодня на обед у него была партия нерас таможенных надежд и пара зазевавшихся туристов из параллельного измерения, где люди до сих пор верят в честные выборы и бесплатную доставку. Ограда стояла неподвижно, мастерски прикидываясь обычным штaketником, хотя в ее сучках явственно читалось наличие профсоюзного билета, расширенной страховки и непреодолимого желания кого-нибудь уволить из реальности. Тишина была такой густой, что в ней можно было варить компот из собственных мыслей, но мысли вариться отказывались. Они требовали отдельного меню, отдельного счета и жаловались на отсутствие вай-фая в этом сегменте бытия. Федя сидел на камне, судорожно тиская божественный тапочек. Уточка на нем улыбалась с видом свидетеля, который только что узнал, где вы прячете запасные ключи от рая.

— ЭБИ! — Федя ткнул пальцем в резиновый клюв уточки. — А МЫ ТЕПЕРЬ ПРОСТО СИДИМ И ЖДЕМ, ПОКА У НАС ОТРАСТУТ КОРНИ ИЛИ ЖАБРЫ?!

— Мы ждем второй раунд, — ответила Эбигейл, стряхивая с плеча наглую пыль, которая уже пыталась оформить на ее пиджаке долгосрочную аренду.

— А КЕНГУРУ НЕ ЗАБУДЕТ СВИСТНУТЬ? У НЕГО ЖЕ СКЛЕРОЗ СУДЬИ!

— В Австралии кенгуру не врут, Федя. У них профсоюз лжецов обанкротился еще в прошлом эоне, когда они попытались продать Луну по частям и не сошлись на комиссионных. Так что сиди и выпитывай вечность, пока горизонт не отпрыгнет что-нибудь полезное.

Из ниоткуда, с грацией системной ошибки, материализовался Утконос. На нем была жилетка с таким количеством карманов, что в них могла бы спрятаться небольшая европейская страна вместе с госдолгом. Из карманов торчали огрызки карандашей, печати размера XXL и чьи-то невыполненные обещания. На морде Утконоса было написано: «Я работаю здесь семьсот лет, и моя единственная мечта — чтобы вы все провалились в текстуры». Он закинул удочку прямо в облака под ногами, леска натянулась, и через секунду он выудил розовый тапочек. С уточкой. Уточка на тапочке выглядела так, будто только что посмотрела финал «Игры престолов» и была глубоко разочарована.

— ЭТО ОН! ВТОРОЙ! — заорал Федя, вскакивая на лапы.

— Это не он, это его кузен, — меланхолично крикнул Утконос голосом сломанного банкомата. — Третий. Второй сейчас на таможне, его задержали за излишек смысла. Боги теряют обувь чаще, чем совесть. Вчера вон левый сандалий Шивы поймали, так он до сих пор в ведре танцует, спать не дает.

Утконос швырнул тапочек обратно в небо. Облака возмущенно закрубились — они не любили, когда в их воздушное пространство вторгалась божественная канцелярия.

— Ищут его уже семь веков, — продолжил Утконос, доставая термос. — Гравитация обещала помочь, но у нее сейчас перераспределение масс и критические дни в районе экватора, ей не до шлёпанцев. Чай будете? Эвкалиптовый, с мятой и привкусом экзистенциального тупика. Сахара нет — он здесь слишком легкий, улетает в стратосферу работать снегом.

Утконос разлил чай. Жидкость была подозрительно синего цвета, какой бывает у воды, когда она обиделась на человечество и решила стать философией.

— Зачем вы здесь? — Утконос уставился на Федю.

— НАС ЗАНЕСЛО! — отрапортовал Федя, прижимая тапочек к груди так, будто в нем была спрятана карта ко всем бесплатным столовым мира.

— Всех заносит. Но билет назад стоит дорого — один честный вопрос на всех. И заполненная форма 12-Б в трех экземплярах, написанная кровью девственного единорога или хотя бы слезами налогового инспектора.

— МЫ НИЧЕГО НЕ ТЕРЯЛИ! — возмутился Федя.

— Тогда зачем ты держишь этот тапок? Он тебе мал, он тебе жмет карму и натирает эго. Носить чужую жизнь — это симптом, дракон. Скоро ты начнешь задавать вопросы, которых нет даже в Даркнете, потому что их забанили за излишнюю правдивость.

Мама Сара тем временем водрузила мангал прямо на какой-то очень важный с виду камень. Камень пискнул, но Мама Сара посмотрела на него так, что тот немедленно прикинулся обычным булыжником без претензий на святость.

— А ЧТО ТАМ, ЗА ГОРИЗОНТОМ? — спросил Костя.

— Там то, что вы ищете, или то, от чего вы бежите, — Утконос пожал плечами. — Какая разница, если туда нельзя без визы? Сначала — гонка, потом — финал, потом либо куст, либо облако. У куста, кстати, соцпакет лучше: листва опадает, зато весной выдают новую по льготной очереди. У Ограды вон вакансия открылась — один сучок уволился, уехал на острова, говорит, устал моргать на туристов.

Федя чихнул. Из носа вылетела искра, сделала мертвую петлю и попыталась самоорганизоваться в новую галактику, но упала в мангал и обиженно зашипела.

— Осторожнее с огнем, — предупредил Утконос, записывая что-то в блокнот. — Австралия — страна холодных решений. Здесь даже кипяток через минуту становится льдом из чистой вредности. Я вот тоже пришел за ответом семьсот лет назад, а получил удочку, график смен «сутки через вечность» и обед за свой счет. Мой вопрос был: «Зачем мне здесь быть?». Мне ответили: «Чтобы ты мог спросить об этом других».

Утконос встал, поправляя жилетку. Рука Кости, высунувшаяся из кармана, в этот момент филигранно вытащила у Утконоса из заднего кармана ту самую печать XXL и мгновенно спряталась обратно. Утконос ничего не заметил, он смотрел на горизонт, который начал жевать в два раза быстрее.

— Скоро свисток. Кенгуру уже досмотрел реалити-шоу и идет сюда практиковать новые виды психологического давления. Бегите, ищите, теряйте конечности, находите чужие. В конце поймете, что искали не тапочек, а смысл жизни, но тапочек хотя бы можно надеть, в отличие от смысла.

Утконос растворился в воздухе со звуком лопнувшего мыльного пузыря. Федя посмотрел на уточку на тапке. Уточка перестала улыбаться. Она смотрела вдаль с таким суровым видом, будто собиралась возглавить крестовый поход против здравого смысла.

— ЭБИ, Я ГОТОВ! — торжественно провозгласил Федя. — Я ГОТОВ К ВОПРОСАМ, К ОТВЕТАМ И ДАЖЕ К РАБОТЕ КУСТОМ! НО СНАЧАЛА Я ХОЧУ ЗНАТЬ ДВЕ ВЕЩИ: ЗАЧЕМ МЫ ЗДЕСЬ И ГДЕ ТУТ БЛИЖАЙШИЙ СОРТИР ДЛЯ ДРАКОНОВ?!

— Сортир найдем по дороге, — Эби взяла его за лапу. — Или используем горизонт, он всё равно всё переваривает.

Рука Кости высунулась из кармана, победно шлепнула печатью «ОДОБРЕНО» по воздуху (воздух тут же приобрел официальный статус и начал требовать налоги за дыхание) и показала средний палец уходящему Утконосу. Ограда моргнула двумя сучками одновременно. Вдалеке раздался звук, похожий на чих бога, у которого аллергия на логику. Второй раунд официально постучался в дверь, но так как двери не было, он просто выбил всем зубы своим Утконос исчез, растворившись в воздухе, как обещание политика или надежда на то, что понедельник когда-нибудь отменят. Ограда стояла, Горизонт жевал, методично перемалывая чьи-то нереализованные амбиции. Федя сжимал тапочек с видом человека, который осознал: этот розовый предмет с уточкой — либо его пропуск в вечность, либо его надгробная плита. Впрочем, в Австралии надгробная плита считалась ликвидной недвижимостью с хорошим видом на небытие.

— Так, — Эбигейл обвела компанию взглядом генерала, чей план сражения только что съела коза. — У нас есть окно во времени, пока Кенгуру не досмотрит финал своего шоу про похудение кактусов. Утконос ушел строчить донос на нашу адекватность. Ограда косплеит

забор. Значит, у нас в распоряжении примерно... — Она посмотрела на запястье, где часов не было уже пару веков. — У нас есть ведро бесконечности. Используйте его аккуратно, дно прохудилось.

— А ТОЧНЕЕ?! — взвизгнул Федя, чешуя которого вибрировала в такт с чавканьем горизонта.

— Точнее — пока горизонт не переварит тех туристов-веганов из параллельной реальности. У них слишком жесткие убеждения, они застревают в зубах мироздания и вызывают у реальности изжогу.

Мама Сара уже всюю кочегарила мангал. Камень под ним попытался возмутиться и запищать о нарушении прав геологических объектов, но Мама Сара одарила его взглядом «я сорок лет выбирала мясо на Привозе», и камень немедленно самоликвидировался в песок от греха подальше.

— Шашлык будет? — Горо заглянул в ведро, где слон Луи нетерпеливо звякнул колокольчиком. У слонов на мясо был нюх профессионального следователя.

— Шашлык будет, — отрезала Мама Сара. — Но сначала — стратегия. А потом — еда. В Австралии нельзя есть без смысла, иначе еда съест тебя изнутри из чистой солидарности с местной фауной.

— А если смысла нет? — Степан поправил пустоту над головой. Жест был таким старым, что руки выполняли его автоматически, даже когда шляпы не было уже три страны и два портала.

— Тогда шашлык станет смыслом. Вкус — единственная валюта, которая не обесценивается при переходе через портал. Его нельзя потерять, его можно только облизать с пальцев вместе с остатками совести.

Мангал зашипел, подтверждая тезис.

Папа Изя развернул газету, которая отчаянно пыталась совершить побег в сторону стратосферы.

— Тут пишут, — Изя прижал новости коленом, — что второй тапочек видели у Большого Барьерного рифа. Он плыл брассом и читал Кафку в оригинале.

— КАФКУ?! ЗАЧЕМ ТАПОЧКУ КАФКА?! — Федя едва не выронил свой экземпляр.

— Чтобы не чувствовать себя одиноким в этом абсурде, — Папа Изя перевернул страницу, которая тут же укусила его за палец. — Все мы тут превращаемся: кто в жука, кто в облако, кто в налоговую декларацию. Без пары ты — не личность, Федя. Ты — черновик, который бог забыл сжечь. Еще пишут, что пенсионный фонд Австралии переехал на кучевое облако номер семь, но принимает только наличные воспоминания. А у нас их — кот наплакал, и тот — привидение.

Костя проверял свои конечности. Три руки были на месте, четвертая — в бессрочном отпуске, но иногда слала СМС-сообщения через фантомные боли.

— Эби, а если мы не найдем второй тапок в этой гонке?

— Тогда станем частью соцпакета Ограды. Там неплохо кормят тишиной, но один сучок недавно уволился — говорит, зрение село на туристов моргать.

— А если найдем?

— Тогда зададим Вопрос. Самый Главный. Тот, от которого у Вселенной случается перезагрузка системы.

Тишина стала такой густой, что в ней можно было вешать не только топоры, но и целые мебельные гарнитуры. Даже горизонт перестал жевать, прислушиваясь к их экзистенциальному кризису.

— МЫ ЗНАЕМ ВОПРОС! — вдруг хором выдохнули тридцать два айфона Мэри, создавая эффект объемного бреда. — «ЗАЧЕМ МЫ ЗДЕСЬ?»

— Слишком банально, — Степан поморщился.

— ЭТО ФУНДАМЕНТ! — парировали айфоны. — ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ — НАЛОГИ НА СМЫСЛ И ПРОЦЕНТЫ ПО КРЕДИТУ БЫТИЯ!

Горо поднял ведро повыше. Слон Луи внутри звякнул колокольчиком. Два раза. Коротко. Как будто сказал: «Они правы. Но это не мое дело. Я слон. Я просто помню».

— СЛОН ЗНАЕТ, — сказал Горо. — НО ОН МОЛЧИТ.

— Слоны всегда молчат, — сказал Папа Изя. — Это их метод. Если слон начинает говорить, он перестает быть слоном. Становится политиком. Или философом. Или тем, кто пытается продать вам слона, которого у него нет.

— А ЕСЛИ СЛОН ЗНАЕТ — ЗНАЧИТ, ОТВЕТ СУЩЕСТВУЕТ?

— Существует, — сказала Мама Сара, переворачивая шашлык. — Но это не значит, что он вам понравится. Иногда ответы такие, что лучше бы их не было. Или они были, но вы их пропустили, потому что думали о чем-то другом. Например, о шашлыке.

— А ШАШЛЫК — ЭТО ТОЖЕ ОТВЕТ?

— Шашлык — это вопрос, который сам себе отвечает. Ты его готовишь, ты его ешь, ты его перевариваешь. В конце остается только вкус. И чувство, что ты сделал что-то правильно.

Мангал зашипел громче. Он был согласен. Он вообще был согласен со всем, что касалось шашлыка. Это была его зона ответственности.

Федя встал. Тапочек в его лапах нагрелся до температуры свежего чебурека. Уточка на нем смотрела вдаль с решимостью камикадзе, которая только что поняла, что ее самолет — это надутая уточка из детской ванночки, и назад дороги нет.

— ЭБИ! Я ЗНАЮ! — закричал он. — МЫ СПРОСИМ НЕ «ЗАЧЕМ МЫ В АВСТРАЛИИ». МЫ СПРОСИМ: «ЗАЧЕМ МЫ ВООБЩЕ ДУМАЕМ, КОГДА МОЖНО ПРОСТО ЕСТЬ ШАШЛЫК?!» НЕТ, НЕ ТО... ЗАЧЕМ ВСЁ ЭТО?! ЗАЧЕМ ТАПОЧЕК, КЕНГУРУ И УТКОНОС, ЕСЛИ В КОНЦЕ ВСЁ РАВНО ОБЛАКО?!

Тишина стала такой плотной, что в ней можно было утонуть. Или найти ответ. Или понять, что ответ — это и есть тишина, просто она не любит, когда ее торопят. У нее тоже есть график.

— Это хороший вопрос, — сказала Эби. — Очень хороший. Неправильный. Но хороший.

— ПОЧЕМУ НЕПРАВИЛЬНЫЙ?!

— Потому что он предполагает, что облако — это конец. А облако — это начало. Или середина. Или просто перерыв на обед. Какая разница. Главное — ты его задал. Не для ответа. Для того чтобы задать.

В этот момент Рука Кости, которая до этого тихо инспектировала карманы реальности, вынырнула наружу. В ней была та самая печать «XXL», украденная у Утконоса. С грацией пьяного мастера ишака, который только что защитил диссертацию по квантовой механике, рука замахнулась и со всего маху шлепнула печатью прямо по резиновому лбу уточки на тапочке.

Воздух вокруг задрожал, приобретая официальный статус министерства правды с правом проведения внеплановых проверок совести. На тапке проступили светящиеся буквы, пахнущие ладаном, мокрой шерстью и легким чувством, что тебя только что приняли на работу, но забыли сказать, на какую должность и есть ли у нее пенсия:

«ОДОБРЕНО. ВОПРОС ЗАРЕГИСТРИРОВАН. ОЖИДАЙТЕ ОТВЕТА В ТЕЧЕНИЕ ДВУХ ВЕЧНОСТЕЙ. ВОЗМОЖНЫ ТЕХНИЧЕСКИЕ СБОИ В ВИДЕ ГРАДА ИЗ ЛЯГУШЕК, НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЙ СМЕНЫ ГРАВИТАЦИИ И ВНЕЗАПНОГО ЧУВСТВА, ЧТО ВЫ ВСЁ СДЕЛАЛИ ПРАВИЛЬНО».

Уточка на тапке впервые за историю мироздания ухмыльнулась. Не улыбнулась — именно ухмыльнулась. С видом существа, которое только что получило повышение и теперь будет требовать отдельный кабинет с видом на вечность.

— ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО МЫ МОЖЕМ ИДТИ?! — Федя подпрыгнул так, что Ограда испуганно сжалась на три сантиметра. Она не любила, когда прыгали. Это было непредсказуемо.

— Это значит, что гонка началась, — Эбигейл поправила воротник. — Слышите?

Где-то за горизонтом раздался свист.

Это не был обычный свист. Это был звук рушащихся иллюзий, открывающейся банки с кильками, которая семьсот лет ждала своего часа, и начала налоговой проверки, которую случайно запустили на год раньше положенного срока, а отменить забыли. В этом свисте было все: и надежда, и отчаяние, и чувство, что сейчас начнется что-то такое, после чего даже облака будут просить перерыв на перекур.

— БЕЖИМ! — скомандовала Эби.

И они побежали.

Федя летел, подрабатывая хвостом как пропеллером, чешуя на спине встала дыбом от азарта. Мама Сара бежала с мангалом наперевес, не теряя ни единого уголька — угли были дисциплинированные, они знали, что если отстанут, то их съедят без шашлыка. Папа Изя на ходу дочитывал некролог собственного здравого смысла, который умер где-то между Гонконгом и Индией, и теперь его поминали трогательным молчанием и легким кивком в сторону горизонта.

Степан пытался не отставать, хотя его ноги уже начали совещание о том, стоит ли продолжать эту авантюру или лучше оформить временную прописку в ближайшем камне. Мэри бежала с айфонами, которые светились, как новогодняя елка, которую забыли выключить после третьего января. Призраки внутри орала: «БЫСТРЕЕ! БЫСТРЕЕ! ЕСЛИ ОПОЗДАЕМ — НАС ВЫКЛЮЧАТ ИЗ ПОДПИСКИ!».

Костя просто следовал за своей рукой, которая уже всю гребла воздух, как веслом, задавая темп всей компании. Рука была довольна. Она вообще была единственной, кто знал, куда бежать. Или делала вид. В Австралии это одно и то же.

Горо бежал с ведром, слон Луи внутри звонил в колокольчик, отбивая ритм, как барабанщик, который понимает, что сейчас начнется его лучший сольный номер.

Ограда моргала им вслед всеми сучками сразу. Один сучок, тот самый, который собирался в отпуск, подмигнул на прощание. Ему нравились эти туристы. Они хотя бы бегали, а не стояли и не смотрели в одну точку с видом, что уже все поняли и теперь ждут подтверждения.

Горизонт открыл рот пошире, готовясь к десерту. Сегодня на сладкое у него были бегущие туристы с горячим мангалом. Это было лучше, чем веганы. У веганов слишком жесткие убеждения. Они плохо жуются.

Муха-агент над ухом Феде зажужжала гимн Австралии в миноре. Она тоже бежала. У мух тоже были свои квоты.

— Я ГОТОВ СТАТЬ ОБЛАКОМ! — орал Федя на бегу, чешуя его сверкала, как казино в Лас-Вегасе, которое только что выиграло судебный процесс против гравитации. — НО ТОЛЬКО С ГРОЗОЙ И БЕСПЛАТНЫМ САХАРОМ! И ЧТОБЫ МЕНЯ НАЗВАЛИ В МОЮ ЧЕСТЬ! НЕ КАКОЕ-НИБУДЬ ОБЛАКО-37, А ФЕДЯ-1! ИЛИ ФЕДЯ-МИЛЛИОН! Я НЕ ПРИВЕРЕДЛИВЫЙ!

Рука Кости высунулась из кармана, показала горизонту средний палец, затем большой, а затем — фигуру из пяти пальцев, означающую «мы еще вернемся за сдачей». Горизонт проглотил этот жест вместе с облаком надежды, которое случайно залетело не в ту сторону.

Второй раунд начался.

Никто не знал правил. Никто не знал, куда бежать. Никто не знал, сколько времени у них есть. Но все точно знали: если ты остановишься, тебя оформят как предмет мебели. А Федя всегда ненавидел быть табуреткой. У табуреток нет крыльев. У табуреток нет права чихать. У табуреток есть только четыре ножки и чувство, что на тебя кто-то сел.

А Федя хотел летать. Даже если в конце полета его ждало облако. Даже если облако было без сахара. Даже если облако называлось не Федя-миллион, а просто — «то самое, которое всегда опаздывает».

— Я ЛУЧШЕ СТАНУ ВЕТРОМ! — заорал он, обгоняя даже собственную руку. — У ВЕТРА ХОТЯ БЫ ЕСТЬ НАПРАВЛЕНИЕ!

— ВЕТЕР НЕ ЗНАЕТ, КУДА ДУЕТ! — крикнула в ответ Эби.

— ЗАТО ОН ДУЕТ! ЭТО УЖЕ ЧТО-ТО!

И они бежали дальше. В сторону свистка. В сторону тапочка. В сторону вопросов. В сторону ответов. В сторону всего, что будет после. Или до. Какая разница. Главное — они бежали.

Рука Ксти показала большой палец. Два раза. На всякий случай. У нее был опыт. Свисток не просто прозвучал — он инсталлировался в подкорку каждого бегущего, как навязчивая реклама службы доставки счастья, которая работает только в один конец и не принимает возвраты. Он жил теперь внутри, пульсировал в такт сердцу, которое билось где-то в районе левой пятки, потому что в Австралии даже органы имеют право на миграцию.

Федя летел, перебирая лапами с частотой квантового процессора, пытающегося вычислить последнее число «пи» в условиях дефицита оперативной памяти и полного отсутствия технической поддержки. Его чешуя гудела, как трансформаторная будка, в которой заперли джаз-бэнд с нереализованными амбициями, ящиком перезревших манго и контрабасистом, который утверждал, что он — перевоплощение Луи Армстронга, просто все забыли ему сказать.

— ЭБИ! — взревел он, обгоняя собственную тень. Тень в ужасе затормозила, попыталась перекраситься в цвет выжженной травы и сделала вид, что она — не тень, а просто пятно от чьей-то неудачной жизни. — А МЫ БЕЖИМ ТУДА, ГДЕ ЕСТЬ ЕДА, ИЛИ ТУДА, ГДЕ НАС ПЕРЕСТАНУТ СПРАШИВАТЬ ПАСПОРТ?!

— МЫ БЕЖИМ В ЛУЧШЕМ НАПРАВЛЕНИИ ИЗ ВСЕХ ВОЗМОЖНЫХ! — крикнула Эбигейл, чей бег напоминал скольжение по тонкому льду чужого воображения, который только что объявил забастовку и требовал повышения зарплаты. — ОНО НЕ ТРЕБУЕТ ВИЗЫ! ОНО ТРЕБУЕТ ТОЛЬКО ПОЛНОГО ОТСУТСТВИЯ СТРАХА ПЕРЕД ВЫСОТОЙ, КОТОРОЙ В АВСТРАЛИИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ, ПОТОМУ ЧТО ЗДЕСЬ ВСЁ — НИЗИНА ДУХА!

Мама Сара неслась впереди, а мангал катился рядом, исполняя сложные пируэты и периодически подмигивая искрами пролетающим мимо бумерангам. Угли внутри вели светские беседы о преимуществах березового дегтя перед эвкалиптовым перегаром, и один уголь уже написал диссертацию на тему «Термодинамика абсурда в условиях австралийской гравитационной аномалии», но не защитил, потому что не нашел оппонентов.

— ШАШЛЫК НЕ БРОСИМ! — гремела Мама Сара, перемахивая через плотоядный куст, который подавился собственным высокомерием при виде женщины с горящим инвентарем и сковородкой наперевес. — ДАЖЕ ЕСЛИ МЫ СТАНЕМ ПАРОМ, МЫ БУДЕМ ПАРОМ С ЧЕСНОЧНЫМ МАРИНАДОМ И КОРОЧКОЙ, КОТОРАЯ ХРУСТИТ ДАЖЕ В ВАКУУМЕ! ПУСТЬ ОБЛАКА ЗНАЮТ, КТО ТУТ ИМЕЕТ ЗВАНИЕ МАСТЕРА ГРИЛЯ ВТОРОГО РАЗРЯДА!

Папа Изя бежал с газетой, которая в процессе гонки самоорганизовалась в аудиокнигу и теперь орала новости голосом диктора, уволенного за излишнюю честность, но тут же нанятого обратно, потому что без него новости перестали продаваться.

— СРОЧНО! — орала газета, вырываясь из рук и делая мертвые петли над головами бегущих. — ВТОРОЙ ТАПОЧЕК ЗАМЕЧЕН В РАЙОНЕ БОЛЬШОГО БАРЬЕРНОГО РИФА! ОН ПЛЫВЕТ БРАССОМ, ПЕРЕЧИТЫВАЕТ «ПРОЦЕСС» КАФКИ И ТРЕБУЕТ ПЕРЕСМОТРА ТАРИФОВ НА ОДИНОЧЕСТВО! ЭКСПЕРТЫ СЧИТАЮТ, ЧТО ТАПОЧЕК — ЭТО НЕ ПРОСТО ОБУВЬ, ЭТО МОБИЛЬНЫЙ ХРАМ ТЕПЛОТЫ, У КОТОРОГО ЗАКОНЧИЛАСЬ

ЛИЦЕНЗИЯ НА ПРАВЫЙ ПОВОРОТ! ВТОРАЯ УТОЧКА ПОДАЛА НА РАЗВОД, ОБВИНИВ ПЕРВУЮ В СИСТЕМАТИЧЕСКОМ ПОДМИГИВАНИИ БЕЗ СОГЛАСОВАНИЯ!

Степан бежал, мучительно пытаясь вспомнить, на какой из тридцати двух светящихся экранов Мэри он загрузил свою последнюю надежду, и не стерлась ли она при обновлении системы. Сама Мэри уворачивалась от призраков, которые лезли из айфонов, как безбилетники из трамвая, пытаясь оформить политическое убежище в реальности и получить гражданство хотя бы на время второго раунда.

— МЫ БЕЖИМ ЗА ВОПРОСОМ! — кричала она Степану, перехватывая айфоны, которые пытались сбежать в сторону горизонта. — А ЕСЛИ ВОПРОСА НЕТ, МЫ СДЕЛАЕМ ЕГО ИЗ ПОДРУЧНОГО МУСОРА И ОБЛОМКОВ ТАПОЧКА! ИЗ НЕГО ВСЕ РАВНО НИЧЕГО БОЛЬШЕ НЕ СШЬЕШЬ, КРОМЕ СМЫСЛА!

— А ЕСЛИ СМЫСЛА ТОЖЕ НЕТ?!

— ТОГДА МЫ СШИЕМ ИЗ ТАПОЧКА НОВУЮ РЕАЛЬНОСТЬ! С РОЗОВЫМИ УТОЧКАМИ И БЕСПЛАТНЫМ ЧАЕМ ДЛЯ ВСЕХ, КТО ДОБЕЖАЛ!

Костя разваливался на ходу. Его левое ухо решило, что оно — самостоятельный стартап, и укатилось в кусты слушать шепот термитов, которые, по слухам, открывали венчурный фонд для инвестиций в перспективные конечности. Правая нога обиделась на левую за то, что та укатилась без нее, и теперь бежала в противоположную сторону, пытаясь доказать свою значимость. Голова пыталась договориться с туловищем о единой стратегии, но туловище требовало пересмотра конституции прав зомби на автономию конечностей.

— ЭБИ! — вопил Костя, теряя по пути еще и фалангу указательного пальца, которая решила, что ей пора на повышение. — Я ТЕРЯЮ ЧАСТИ СЕБЯ! СКОРО ОТ МЕНЯ ОСТАНЕТСЯ ТОЛЬКО ИДЕЯ!

— ЭТО НОРМАЛЬНО! — отзывалась вампирша, которая бежала так быстро, что ее тень отставала на три километра и уже начала привыкать к самостоятельной жизни. — В АВСТРАЛИИ КОНЕЧНОСТИ ИМЕЮТ ПРАВО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ! ЕСЛИ РУКА ХОЧЕТ БЫТЬ ОБЛАКОМ — НЕ МЕШАЙ ЕЙ! У НЕЁ ТАМ БУДЕТ КАРЬЕРНЫЙ РОСТ, БЕСПЛАТНЫЙ ДОЖДЬ ПО ВЫХОДНЫМ И ПЕНСИЯ В ВИДЕ СНЕГОПАДА РАЗ В СТОЛЕТИЕ!

Рука Кости, сидевшая в кармане, высунулась и показала средний палец пробежавшему мимо эму-бухгалтеру, который пытался выставить им счет за использование дорожной пыли. Эму обиделся, выписал штраф и унесся в сторону пустыни, чтобы пересчитать там песчинки и доказать, что их меньше, чем заявлено в декларации.

Горо и слон Луи задавали темп. Луи трубил марш «Туда, где нас не ждут, но мы всё равно припрямимся со своим самоваром», и каждая нога этого марша выбивала искры из реальности, заставляя время спотыкаться и пересчитывать свои секунды заново.

— СЛОН ЧУВСТВУЕТ РИТМ ТАПОЧКА! — орал Горо, прижимая ведро к груди так, что оно светило, как маяк на краю вселенной.

— ОН ПОМНИТ ВСЕ ОШИБКИ БОГОВ, ПОТОМУ ЧТО БОГИ ВСЕГДА ЗАБЫВАЮТ ВЫКЛЮЧАТЬ У СЛОНОВ ФУНКЦИЮ ЗАПИСИ! А СЛОНЫ НИКОГДА НИЧЕГО НЕ ЗАБЫВАЮТ! ДАЖЕ ТО, ЧТО НЕ ПРОИСХОДИЛО! ОСОБЕННО ТО, ЧТО НЕ ПРОИСХОДИЛО! ЭТО ИХ СУПЕРСИЛА!

Федя вдруг почувствовал, как мир перевернулся еще раз, хотя, казалось бы, дальше некуда. Небо стало землей, земля — гигантской подошвой, а облака — дырками в носках мироздания, которые кто-то забыл зашить. Одно облако помахало ему пушистой лапой. Это было то самое облако. То, которое стало облаком, потому что не смогло ответить на вопрос о совести и стыде.

— НЕ СТАНОВИСЬ ОБЛАКОМ! — прошелестело облако голосом, похожим на шелест страниц ненаписанной книги, которую сожгли, но она все равно продолжала читаться.

— ТУТ УЖАСНО НЕУДОБНО! НЕТ КАРМАНОВ ДЛЯ СЕМЕЧЕК! НЕТ РОЗЕТОК ДЛЯ ЗАРЯДКИ! И ВЕЧНО СКВОЗИТ ИЗ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МИРОВ! ТАМ ТОЖЕ ОТКРЫЛИ ОКНО, НО НЕ МОГУТ ЗАКРЫТЬ, ПОТОМУ ЧТО РУЧКА ОТВАЛИЛАСЬ ЕЩЕ В ПРОШЛОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ!

— Я НАЙДУ ЕГО! — Федя расправил крылья, и его полет стал похож на падение вверх, но с очень гордым выражением морды и чувством, что гравитация — это всего лишь рекомендация, а не приказ.

— Я ВИЖУ РОЗОВУЮ ТОЧКУ! ОНА МЕРЦАЕТ! ОНА ПАХНЕТ РЕЗИНОЙ, БОЖЕСТВЕННЫМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕМ И НЕМНОГО — МАРИНОВАННЫМИ ОГУРЦАМИ ИЗ ТОЙ САМОЙ БАНКИ, КОТОРУЮ МАМА САРА ОТКРЫЛА В ПРОШЛОМ ГОДУ И ЗАБЫЛА ДОЕСТЬ!

— ЭТО ХОРОШИЙ ЗАПАХ! — крикнула Мама Сара. — ЗНАЧИТ, ТАПОЧЕК ЗНАЕТ ТОЛК В ЗАКУСКАХ!

Впереди, на самом краю жующего горизонта, который наконец перестал жевать и начал смотреть, потому что даже у горизонта бывает перерыв на обед, действительно материализовался Второй Тапочек.

Он висел в воздухе, небрежно помахивая уточкой, и выглядел так, будто только что сдал экзамен по квантовой механике на «отлично» и теперь ждет, когда ему принесут заслуженное мохито и признание, что он — главный герой этого абсурда, а не просто обувь, которую потеряли и забыли.

Уточка на нем смотрела на уточку в лапах Феде. Две уточки встретились. Это был момент, который не входил в сценарий, но сценарий вежливо отступил, потому что понял: сейчас начнется что-то, что он не сможет объяснить даже с помощью примечаний.

— ЭТО ОН! — Федя сложил крылья и пошел на таран реальности. — ОН ЖДАЛ! ОН ЗНАЛ! ОН ЗНАЛ, ЧТО МЫ ПРИДЕМ!

— ОН ЗНАЛ, ЧТО ВЫ ПРИДЕТЕ! — подтвердил голос откуда-то сбоку. Это был Утконос. Он стоял на камне и пил чай. Он всегда стоял на камне и пил чай. Это была его работа.

— ОН ЗНАЛ ЭТО ЕЩЕ ТОГДА, КОГДА ВЫ НЕ ЗНАЛИ, ЧТО ВАС ЗАНЕСЛО. ОН ЖДАЛ. ЖДАЛ СЕМЬСОТ ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА. И ДОЖДАЛСЯ.

Рука Кости вынырнула из кармана, схватила в воздухе воображаемую печать и начала яростно штамповать пространство вокруг, помечая каждый кубический сантиметр воздуха грифом «СОБСТВЕННОСТЬ ДРАКОНА. ПЕРЕСЫЛКЕ НЕ ПОДЛЕЖИТ. НАЛОГИ УПЛАЧЕНЫ. ПРЕТЕНЗИИ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ». Воздух стал официальным. Он даже немного загордился.

Федя протянул лапу. Тапочек не сопротивлялся. Он лег в лапу, как будто всегда там был. Как будто они ждали друг друга. Как будто вся эта гонка была нужна не для того, чтобы его найти, а для того, чтобы понять, зачем его искать.

Два тапочка. Розовые. С уточками. Уточка смотрели друг на друга и, кажется, узнавали.

— ТЕПЕРЬ У НАС ПАРА, — сказал Федя тихо.

— МЫ МОЖЕМ ЗАДАТЬ ВОПРОС.

— Нет, — сказал Утконос, допивая чай. — Теперь вы можете ждать. Третий раунд начнется, когда вы поймете, что искать надо было не тапочек.

— А ЧТО?

— То, что вы потеряли. Не нашли. Даже не знали, что потеряли. Потому что потеряли это так давно, что забыли, что оно у вас было.

Утконос исчез. Или не исчез. Или просто стал чаем. В Австралии это одно и то же.

Федя стоял с двумя тапочками в лапах. Розовые. Теплые. С уточками. Уточка смотрели на него. Они ждали. Они тоже хотели знать ответ.

— ЭБИ.

— Да.

— Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО МЫ ПОТЕРЯЛИ.

— Я знаю, — сказала Эби.

— ЧТО?

— Дорогу. Не в Австралию. Не в Атлантиду. Не в Индию. Дорогу домой. Не туда, где стены и крыша. Туда, где нас ждут. Туда, где нас узнают даже без тапочек.

Федя посмотрел на тапочки. Тапочки смотрели на него. Уточки кивнули. Они знали. Они всегда знали.

— ТРЕТИЙ РАУНД НАЧНЕТСЯ, — сказал он, — КОГДА Я ПОНЯМУ, КУДА ИДТИ.

— Нет, — сказала Эби. — Третий раунд начнется, когда ты поймешь, что идти некуда. Что ты уже там. Что дом — это не место. Это чувство. Что ты дома, когда держишь в лапах то, что искал. Даже если это просто тапочек. Даже если это просто уточка. Даже если это просто — мы.

Она взяла его за лапу. Ту, что не держала тапочки. Та, что держала тапочки, держала крепче. Уточки на тапочках перестали смотреть друг на друга. Они смотрели вместе. В одну сторону. Туда, где горизонт перестал жевать и начал улыбаться.

— ВТОРОЙ РАУНД ОКОНЧЕН, — сказал голос оттуда, где был Кенгуру.

Свисток прозвучал. Не громко. Тихо. Как будто кто-то поставил точку в конце длинного предложения. Или запятую. Или многоточие.

Гильдия охотников за нечестью

Гоблин-дежурный с ужасом смотрел, как на мониторе точка Феде превысила скорость света и начала уходить в минус, а потом остановилась и просто стояла, потому что поняла: бежать дальше некуда.

— Докладывайте! — рявкнул начальник, выходя из-за стеллажа с папкой «Необъяснимое. Том 734».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.